

ТРУДОМ НАПОЕНА ЗЕМЛЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
МИР СЕГОДНЯ

ВОТ говорят, дым отечества нам сладок и приятен. Еще бы! Русский человек, куда его ни пошли, в какие красоты ни определи, он месяц — другой полюбуется этими красотами, насмотрится на людей, натешится тамошними порядками, а потом как затоскует, как заплачет душа по русской земле, по матери-Родине — Руси родимой!

Вот, к примеру, Америка, где довелось мне побывать той весной. Ну что говорить: громадна, богата, красива и разнообразна эта страна.

Но уже на тринадцатый день нашего пребывания там все двадцать пять человек нашей группы, не сговариваясь между собой, вдруг затосковали, заныли: братцы, до чего же домой охота!

Но есть страна, единственная и неповторимая, которую я люблю и где не скучаю. Это Чехословакия. В нее попал я лет пятнадцать назад, когда не слишком весело жилось народам — чешскому и словацкому, когда еще дымились пожары Лидице и изреченными стояли дома Праги после майских боев за свободу и людскую радость.

И вот десятый раз за эти пятнадцать лет собираюсь я в Чехословакию и радуюсь тому бесконечно! А в сущности, что уж такого необыкновенного и прельстительного в той стране? Пейзажи? Но увиденная в США Ниагара оставила в памяти впечатление неизгладимое! Стало быть, помимо очаровательных картин природы, есть в Чехословакии для меня что-то более могучее и манящее, чем много раз воспетые Татры и чудесная Братислава, и медлительный Дунай, на который с Девин-горы не намотришься, и виноградники, сползающие с береговых откосов Влтавы около Мельника, и та же самая Влтава, мирно бегущая мимо Праги и разделяющая город.

Так что ж влечет туда мою душу?

Люди, братья по крови, ставшие кровными друзьями.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ НАРОДЫ чехи и словаки! Зайди куда-нибудь в сельский ресторанчик, поговори с чешскими или словацкими крестьянами о наших беспредельных просторах, порасскажи им о необъятных целинных делах, они рот раскроют, а потом в затылках начнут чесать:

— Нам бы столько земли!

Земли у них, прямо скажем, маловато, совсем мало хорошей земли, а чернозем вроде тамбовского или там курского чехословацкому крестьянину может присниться только в хороших снах. Но ведь какие чудеса вершит на трех-четыре сотнях гектаров какой-нибудь чешский или словацкий сельскохозяйственный кооператив! В сущности во многих местах натуральной плодородной земли вроде бы и нет: каждый год в нее всаживают удобрения, и только удобренная она дает человеку хлеб, овощи, хмель. Но сколько дает, вот вопрос! Я бывал во многих кооперативах. В тех кооперативах урожай в двадцать пять центнеров пшеницы с гектара из года в год не вызывает ни удивления, ни вопроса: это каким же манером вы такого чуда добились?

А очень простым, скажет вам председатель любого кооператива: прилежным уходом за урожаем! Вот эта скрупулезность ведения хозяйства, экономичность, дотошный расчет, забота о том, как бы сберечь лишнюю крону, — все это вызывает у нас, советских людей, уважение к любому чешскому работнику, где бы он ни трудился. Чем пристальнее вглядываешься в его характер, тем яснее тебе становится его самобытность. Необыкновенная, чисто славянская широта души соединяется с отменным трудолюбием, точностью, трезвой расчетливостью и поразительной предприимчивостью.

У них нет, да и не могло, разумеется, быть собственного каучука, а потребность в нем громадная. И вот я еду на строительство завода синтетического каучука под Прагой, — он освободит Чехословакию то ли наполовину, то ли на две трети от импорта каучука. Чехи не имели практики в таком строительстве. Помогли им мы: документацией, консультациями. А строит завод преимущественно молодежь. У нас парни и девушки пахнут целину, возводят Братский

гигант, прокладывают шоссейную дорогу вокруг Большой Москвы; в Чехии осваивают площадку, где корпус за корпусом встанут будущие цехи. И это получается у них здорово! Сначала они построили (и строят всюю) жилища, клуб и столовую, где рабочим не приходится ждать обеда, затем провели все подземные работы, а уж потом принялись за комбинат. И тут опять надо иметь в виду все тот же чешский характер.

Чехословакия уже сейчас опередила в выпуске основных видов промышленных изделий (в расчете на одного жителя) Францию, догоняет Англию и ФРГ.

ДЕРЕВНЯ ТРСТНИЦЕ расположена в считанных километрах от границы с Западной Германией. Во времена фашистского владычества старочешское название этой деревни было стерто и заменено другим — Нейдорф, которое, однако, продержалось недолго: фашистов из Судет вышибли, а пограничье заселили людьми со всех краев Чехословакии: так примерно заселялась наша целина.

Да ведь по сути дела пограничный район, когда туда пришли новоселы, и выглядел своеобразной целиной: все разрушено, разбито, покорежено.

Осенью пятьдесят девятого года я снова побывал в Трстнице. Уже накрепко обосновались сорок пять семейств новоселов; уже почти не видно развалин; уже веселая гурьба ребятишек шалит на переменке в школьном дворе; уже вспаханы поля и новые механизированные фермы виднеются недалеке от деревни.

У сельскохозяйственного кооператива в Трстнице четыреста семьдесят гектаров пахотной земли. Крупного рогатого скота четыреста семьдесят голов, из них коров сто шестьдесят пять. Это же понять надо: более тридцати коров на сто гектаров пашни! Земли за этот год, который я не был в Трстнице, разумеется, не прибавилось, но председатель кооператива Ян Шима безоговорочно заверил меня, что в шестидесятом году они резко увеличат поголовье крупного рогатого скота и доведут количество свиней до четырехсот пятидесяти.

Тридцать гектаров занято под знаменитый семенной картофель, который продается по девятидесяти крон за центнер (цена обычного картофеля за центнер 25 крон).

В пятьдесят девятом году крестьяне сняли по 30 центнеров с гектара озимой пшеницы, по 24 центнера яровой, ржи по 27 центнеров... И считают, что это далеко не предел!

Оно и немудрено, что люди здесь получают — на трудодень 25—30 крон, а каждому за год набегает по пятьсот—шестьсот трудодней, — тут все поголовно трудятся, считают каждый геллер, не оставляют в поле ни единой соломинки, и нет клочка земли, не занятой чем-нибудь полезным.

А штат кооператива? Председатель и бухгалтер — он же член правления, он же школьный учитель. И все. Парторг, человек в летах, работает наравне со всеми.

Есть в этой деревушке ресторанчик, меня повели в него выпить пива. (Чехи шуточно говорят, что если бы не было ресторана, не было бы и деревни). За стойкой неторопливо разливал пиво заведующий рестораном. Он же подавал пиво. Он же разносил заказанные блюда. Он же продавал сигареты, получал деньги и вытирал столы. И умудрялся делать это без суеты. Вежливости, любезности и предупредительности хоть отбавляй. Кухней заправляет жена. Она готовит еду (очень разнообразную), моет посуду и помогает мужу во всем решительно. Не оказалось в ресторанчике яиц для любителей яичницы — она сбегает к соседке и займет. Или попросит курицу для домашней лапши. Два человека обслуживают за день около двухсот посетителей, потому что ресторанчик стоит на проезжей дороге, и, кроме своих, сельских завсегдатаев, все шоферы и проезжие не преминут заглянуть в заведение, возглавляемое Ярославом Махольдом.

Этот довольно полный и молодой человек, к вящему моему изумлению, оказался вдобавок ко всему членом правления коопера-

Николай ВИРТА

Вот о нем-то я хочу кое-что рассказать.

В Сорок первом году Ярослава постигла печальная участь многих юношей и девушек Чехословакии и тех стран, куда вторглись фашистские орды: его насильно угнали в Германию. Работал он в городе Пассау подручным у лавочника-мясника.

А напротив лавочки помещалась швейная фабрика; на той фабрике работали насильно угнанные девушки с Украины, а среди них была Надя Алифанова из Пятихатки.

И вот, переглядываясь через окошки, Ярослав и Надя прут в друга влюбились.

Надя голодала, голодали ее подружки. И хоть зорко следил за подручным хозяин-мясник, Ярослав оказался хитрее его. Втихомолку Ярослав набивал сапоги мясным фаршем и в означенных сапогах, кое-как шагая, шел на свидание с Надей. Часто Ярослав приходил не только с фаршем, но умудрялся, разрезав мясо на тонкие и длинные ломти, прятать их под одеждой и между поделушками передавать Надюше, а она делилась едой с теми, кто разделял с ней тяжкую долю.

Но вот Наде сообщают, что ее с часу на час арестуют и отправят в Бухенвальд или Освенцим за антифашистскую пропаганду.

Решили бежать.

Бежали, да неудачно. В городе Регенсбурге их поймали и упрятали в тюрьму. К счастью, сметливый Ярослав запасся свиным соленым салом. А фашисты в ту пору жрали что попало, так как кончились красные денечки для фашистов, начался великий пост, и светлого воскресенья впереди не предвиделось: советские войска подходили к Берлину, в Праге восстали чехи, словацкие партиза-

ны наносили удары по германской военной машине, а потом на помощь чехам и словакам пришла армия-освободительница.

Голодные немецкие тюремщики за два килограмма свиного сала выпустили из тюрьмы двух молодых людей. Восемьдесят километров до границы им удалось проехать в поезде без особенных приключений. Границу они перешли недалеке от деревушки Трстнице...

Спустя некоторое время наши влюбленные, пережившие ужасы фашистской каторги, должны были расстаться: Ярослава взяли в армию, Надя уехала на родину, в Пятихатку.

Шел сорок шестой год...

Иная любовь не знает ни расстояний, ни пространства, ни времени. Разлученные силой обстоятельств, находясь друг от друга за многие тысячи километров (Надя работала на Урале), они не утратили ни свежести чувств, ни надежды на соединение. Ярослав писал на завод, где работала Надя, а Надя писала в Трстницу, куда Ярослав пришел первым новоселом: понравились ему эти места еще тогда, когда, перейдя границу, они с Надей неделю скрывались здесь у какого-то добродушного старика-немца.

Надя хлопотала о разрешении уехать к мужу, Ярослав просил отпустить к нему жену. Настал день и вот Надя вошла в ресторанчик у проезжей дороги, а Ярослав, охнув, не мог в первые минуты свидания вымолвить ни слова.

...Боже мой, как же хлопотала Надя, узнав, что ее земляк забрался в такую глушь! И чем только меня не угощала, и какие только слова не говорила! Своими детишками — мальчиком и девочкой она гордилась, как это подobaет счастливой матери, а из кухни выглядывало столь же счастливое лицо старухи — матери Ярослава.